

Париж, Фобур Сент-Оноре;

первое письмо Гарри Харгроува своему другу Чарльзу в Англию

Я обещал, мой дорогой друг, в память о наших старых школьных приключениях, что расскажу вам обо всех последних странных событиях, которые произошли со мной. Вы можете быть уверены, что это письмо и те, которые последуют за ним, не будут содержать ничего, кроме простой истины, и что я без колебаний признаюсь в своих собственных грехах, в то время как я обязан рассказать историю грехов двух моих молодых друзей.

Никогда в мире не было столь необычного и пикантного дела, и что касается меня, то оно меня вполне устраивало.

Вы знаете, что я очень люблю подобные вещи. Художник не только по профессии, но и по натуре, когда в прошлом году я занялся фотографией, я испытывал тайную надежду и страстное желание, чтобы какое-нибудь приключение оживило мою карьеру в этом модном и покровительствуемом искусстве.

Достаточно сказать, что я буду писать так, как думал, чувствовал и действовал. Никакое сокрытие восхищения не остановит моего пера; никакое воспоминание о моей собственной вине или восторге не заставит меня скрыть очевидные факты. Вы рассказали мне о своей удивительной смелости, успехе и побегах. Я отплачу вам тем же.

Я не стану снова повторять всю историю о том, как я познакомился с этой прекрасной молодой леди и ее не менее очаровательным любовником. Она, как вы, вероятно, помните, была отстранена от его общества, за исключением ужасно чопорных приемов дома, и неуклонно продолжала свое образование в монастырской школе. Чтобы угодить своему обожателю, она позволила ему, через меня, попросить у нее серию фотографий ее прекрасной особы. Том так много бредил ее красотой и избытком собственных чувств, что, как вы знаете, я приложил немало усилий и убедил ее дать ему некоторое утешение и облегчение, приняв несколько более свободные позы, чем ранее, с помощью моей камеры в качестве посредника.

Луиза, наконец, подружилась со мной и, в конце концов, пришла ко мне без сопровождения той особы, которая до сих пор вела себя как дуэнья. Она видела также, как я восхищаюсь самим Томом, и тогда она узнала, что Том приходил в мою милую маленькую студию, уютную комнату, затененную красным и зеленым, чтобы говорить и восхищаться ею. Том мог приходить только днем, когда заканчивались лекции в колледже. Она же могла позволить себе некоторую вольность действий только после завтрака, когда девочкам было рекомендовано заняться физическими упражнениями на свежем воздухе.

Ну, Том был прост, как ребенок. Я решил не обманывать его, потому что он доверял мне с Луизой в определенной мере, да и сам он любил меня так сильно, я никогда не мог сказать почему, что ничего похожего на ревность никогда не приходило ему в голову.

Итак, дело обстояло так. Когда я, наконец, дошел до того, что я вам вкратце рассказал, то попросил у нее разрешения сфотографировать ее в полуопущенном платье, чтобы совершенно открыто показать ее груди, сильно раскинутые в противоположные стороны, с розовыми сосками и ареолами вокруг них, полностью обнаженными.

Вы должны понять, что Луиза - удивительно красивая брюнетка, изысканно развитая и сочетающая в себе совершенную форму того, что я называю тициановским типом, с самым женственным и любвеобильным характером. Среднего роста, волосы густые, каштановые и

волнистые; глаза темно-карие, страстные и искрящиеся, обрамленные кустистыми бровями; лицо овальное, ушки маленькие, а рот прекрасной формы с коралловыми полными губками. Несмотря на ее полноватую фигуру, у нее самая тонкая талия, руки и пальцы, которые вы могли бы пожелать увидеть, что указывает на высокое происхождение и строение её костей.

Только после долгих уговоров и намеков на то, какое удовольствие и удовлетворение это доставит Тому, я заставил ее обнажить грудь. Ее ослепительная и сладострастная красота, когда была выставлена напоказ, была совершенно ошеломляющей.

Я был поражен собственной дерзостью, добившись такого результата, что даже разбил тарелку. Затем, показав ей, какая это прекрасная картина, я осмелился предложить еще более красивую позу, если она позволит себе показать ее фигуру, сидя и показывая свои стройные ножки, настаивая, чтобы и Том смог увидеть их, как и эти прекрасные белые полушария над ее талией. После высказывания некоторых глупостей, возражений и долгих уговоров она наконец согласилась. Она села на диван и подняла свое шелковое платье, задирая кружевной край из каких-то белых вещиц до красивых и маленьких колен. Затем она грациозно наклонилась вперед, и две ее округлые ножки в белоснежных чулках сужались вниз до плотно облегающих ботиночек, плотно обхвативших изысканный подъем самой изящной маленькой ступни.

Какая прелестная вещь - женская ножка! Как она восхитительно красива, когда бессознательно показана! Сколько лестничных маршей, корабельных трапов, площадных решеток, крутых склонов, разрушенных башен или даже гостиних невинно выдали их красоту острым глазам и послали дикий восторг по тоскующим сердцам.

Эта поза имела большой успех, к огромному восторгу Тома.

Сегодня утром я снова сфотографировал Луизу, и именно поэтому я написал такое длинное письмо.

Короче говоря, она задала мне много вопросов о влиянии последних фотографий на ее любовника. Я сказал ей, что он, кажется, уже готов умереть от любви, увидев прекрасное зрелище ее прелестных конечностей.

Я подумал, что это прекрасная возможность настаивать на еще одном сеансе с еще большим обнажением, и заявил, что Том убеждал меня сделать это со слезами на глазах, как величайшее утешение, которым он может наслаждаться, когда лишен возможности видеть свою милую. Чтобы заручиться ее согласием, я показал ей несколько пластинок с портретами полуобнаженных дам, демонстрирующих свои тайные части тела, и сказал, что они были предназначены для их любовников и мужей. Она застенчиво посмотрела на них, но была явно взволнована и, густо покраснев, сказала:

- О, мой дорогой друг, если это действительно доставило такое удовольствие и утешение моему дорогому Тому, то я позволила бы себе занять любую позу, какую он пожелает.

Я нежно сказал ей, что есть одна поза, которая, как я знаю, доставит бесконечное удовольствие Тому, которую она может дать ему без всякой опасности для себя, в которой нижняя часть ее тела будет свободно обнажена, в то время как она закроет лицо рукой, как будто от стыда. Она, смущаясь и краснея, но, должен признаться, не без того, чтобы застать меня врасплох, сказала:

- О, мой дорогой друг, я сделаю все, что вы пожелаете.

Итак, когда все было готово, я устроил всё так: усадил ее в свое большое, глубокое, старое кожаное кресло, стоявшее напротив камеры, и поднял ее платье так высоко, как позволяли корсет и оборки. На ней не было панталон, и поначалу она ужасно краснела, постепенно уступая. Я хотел, чтобы она положила сначала одну ногу на низкий подлокотник кресла, а затем другую на противоположный подлокотник, затем заставил ее согнутое тело скользнуть вперед к краю кресла, таким образом полностью разделив ее восхитительно хорошо сформированные бедра и открыв до предела ее самые тайные черты. Она высоко подняла полотно платья, и самое прекрасное видение в мире открылось моим ослепленным и возбужденным чувствам. Я видел всю долину между ее бедер, покрытую густыми, черными, густо вьющимися волосиками. Ее изящные ножки в белых облегающих чулках и балморальских сапожках изящно свисали, виднелись маленькие, красиво очерченные коленочки и великолепные упругие обнаженные бедра. Они были роскошно очаровательны и казались шире, когда лежали на подлокотниках кресла. Я также заставил ее обнажить свои большие, упругие и восхитительные груди.

Таким образом, она представляла собой самую восхитительную и сводящую с ума картину, усиленную раскрасневшейся красотой ее прелестного лица и сверкающих глаз. Ее тонкие руки подняли ее платье и нижнее белье, чтобы дать наиболее полное представление обо всех ее тайных прелестях. Изысканная выемка была помечена выделяющимися губками, эффект усиливался контрастом с угольно-черными, вьющимися волосами. Этот покров прикрывал не только изящно приподнятый лобок, но и простирался изящными завитками до пупка и роскошно спускался по каждому бедру редкой порослью. Бедро ее округлялось тонкими изгибами до великолепных широких ягодиц, которые были так высоко приподняты ее ногами, перекинутыми через подлокотники кресла, что розовая, похожая на ямочку нижняя дырочка была отчетливо видна: она была окружена волосиками, более пушистыми, но в столь же богатом количестве, как и каждая губка выше. Эта поза также слегка приоткрыла ее похотливо манящую манду, чья влага росой отмечала всю её протяженность.

Я больше не могу писать. Я высвободил свой восставший орган из-под рубашки и, оскверняя сам себя правой рукой, левой держа эту фотографию. Сладкое, восхитительное зрелище!

<http://erolate.com/book/2051/57737>